не разъ упоминалась въ числѣ тѣхъ пунктовъ, которые можетъ получить Италія, въ случаѣ своего участія въ войнѣ, при ликвидаціи австрійскаго наслѣдства. Италія предпочла занять Валлону, не дожидаясь этого момента ликвидаціи и не принимая участія въ войнѣ. При данныхъ условіяхъ этотъ шагъ врядъ ли вызоветъ сколько-нибудь серьезные протесты, и всего вѣроятнѣе, что Валлона, доставшаяся Италіи безъ пролитія хотя бы одной капли итальянской крови, останется за нею и по окончаніи европейскаго кризиса.

Мимоходомъ.

II.

На питательномъ пунктѣ.

Уже темно, и нашъ автомобиль безпомощно стоитъ на грязной площади довольно большаго поселка. Обращаемся къ случайнымъ прохожимъ съ разспросами, гдѣ здѣсь «питательный пунктъ», но никакъ не можемъ добиться толку. Польскій крестьянинъ,—не въ обиду будь ему сказано,—соображаетъ медленно. Кромѣ того «питательный пунктъ» —такое мудреное слово. Наконецъ нашъ шофферъ-полякъ и одинъ изъ насъ, свободно говорящій по-польски, пытается разъяснить это понятіе:

— Тамъ, гдѣ солдатъ кормятъ. Гдѣ живутъ завѣдующіе кухней. Куда приходятъ солдаты обѣдать.

— Кормятъ? Кухня? Обѣдать?

Переспросивъ, крестьянинъ задумывается. Мы ждемъ съ напряженіемъ, онъ же, вдругъ принявъ рѣшеніе, спокойно поворачивается и молча уходитъ отъ насъ.

— Я знаю, паны, я!—выскакиваетъ изъ темноты еврей.

Онъ взбирается на подножку автомобиля и указываетъ дорогу. Мы колесимъ по темнымъ закоулкамъ, вязнемъ въ грязи, но все не можемъ попасть, куда слѣдуетъ. Выручаетъ встрѣчный солдатъ, который просто и толково объясняетъ намъ, гдѣ находится «питательный пунктъ».

Черезъ нѣсколько минутъ мы — въ теплой комнатѣ, ярко освѣщенной лампой-молніей. Вдоль стѣнъ цѣлыми горами наложены коврижки свѣже-испеченнаго хлѣба, и его пріятный запахъ дразнитъ насъ, проголодавшихся путниковъ. Представляемся хозяевамъ «пункта», изъ которыхъ только одинъ—знакомый одного изъ насъ. Все—молодые офицеры, которые, видимо, рады неожиданнымъ гостямъ, вносящимъ разнообразіе въ одноцвѣтную жизнь.

Вскорѣ на столѣ уже разставлены стаканы чая, закуска и даже, ради исключительнаго случая, маленькіе стаканчики вокругъ какъ-то уцѣлѣвшей бутылки венгерскаго. Бесѣда оживляется быстро. Нашлись общіе знакомые по Петрограду и Москвѣ. Мы раздаемъ газеты, привезенныя изъ Варшавы, разсказываемъ, что знаемъ, и что знаемъ о войнѣ. Эти разсказы какъ-то кончаются [illegible] конечно.

[illegible] слово за тысячу верстъ отъ войны,—отчаянно говоритъ одинъ изъ офицеровъ.—Говорящіе друзей, гонятъ вѣдомости, а мы [illegible] въ этой деревушкѣ, такъ и ни съ мѣста. Не весело, право!

Мы пытаемся возражать, что они исполняютъ тоже полезное, важное для арміи дѣло, но сами понимаемъ, что это—плохое утѣшеніе.

— Повѣрите, — продолжаетъ офицеръ,—когда къ намъ попадаетъ партія раненыхъ, я имъ завидую. Они выполняли свое, военное дѣло, а мы? Развѣ не могли бы вмѣсто насъ «питать» солдатъ лица штатскія? Для чего же мы изучали военныя науки? Зачѣмъ всю жизнь готовились къ военному дѣлу? Обидно, досадно, стыдно.

Онъ говорилъ еще долго на эту тему съ увлеченіемъ, съ негодованіемъ. Но я привожу здѣсь его слова не потому, что согласенъ съ ними. Напротивъ, мнѣ кажется, что никто не сумѣетъ завѣдовать «питательнымъ пунктомъ» лучше, чѣмъ офицеръ. Кромѣ того не естественно ли, что военное вѣдомство поручаетъ такія обязанности лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, которыя ему подчинены, а не сторонникамъ, которыя были бы связаны лишь договоромъ. Но я привожу эти жалобы офицера, какъ примѣръ того настроенія, которое одушевляетъ нашу армію. Въ другое время, въ другой странѣ, нашлись бы люди, которые стали бы усиленно искать такихъ «безопасныхъ» должностей, какъ «завѣдованіе питательнымъ пунктомъ», въ сторонѣ отъ всякихъ боевъ, далеко отъ непріятельскихъ пуль и шрапнелей. А наши офицеры *тяготятся* своей безопасностью, *завидуютъ* раненымъ.

При такомъ настроеніи арміи, никакой врагъ намъ не страшенъ.

III.

Въ Плоцкой губерніи.

Въ началѣ войны, въ августѣ и сентябрѣ, я объѣхалъ всю Плоцкую губернію,—не быстро промелькнулъ по ней въ автомобилѣ, но объѣхалъ медленно на лошадяхъ, проводя цѣлые дни и ночуя въ усадьбахъ у помѣщиковъ, къ которымъ у меня были рекомендательныя письма. Побывалъ и въ городахъ, которые стали извѣстны потомъ по боямъ, бывшимъ подъ ними: въ Цѣхановѣ, Праснышѣ, Маковѣ, Хоржеле, также оставался въ нихъ подолгу, присматриваясь къ мѣстной жизни. Мнѣ полюбился этотъ край, лежащій въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, въ которомъ сохранились старинныя помѣщичьи гнѣзда и весь укладъ старо-польской жизни. Еще встрѣчались тамъ типы, сошедшіе изъ романовъ Крашевскаго и Сенкевича, и несмотря на фабрики, быстро заполнявшія губернію, еще далека была отъ нея надвигающаяся суета Варшавы или Лодзи.

Когда я проѣзжалъ по тѣмъ мѣстностямъ, тамъ только ожидали нѣмцевъ съ понятной тревогой, вспоминая о судьбѣ Калиша и Ченстохова. Настроеніе населенія было однако бодрое. На словахъ и на дѣлѣ всѣ, отъ помѣщиковъ до крестьянъ, были готовы жертвовать всѣмъ ради успѣха въ борьбѣ съ врагомъ. На моихъ глазахъ помѣщики безропотно отдавали въ армію послѣднихъ лошадей и подводы, необходимыя имъ самимъ для окончанія полевыхъ работъ. «Пусть берутъ все, только бы мы побѣдили!»—говорилъ мнѣ одинъ молодой землевладѣлецъ изъ-подъ Прасныша. Крестьяне столь же безропотно отбывали разныя повинности и щедро раздавали проходившимъ солдатамъ все, что находилось въ домѣ,—хлѣбъ, молоко, яйца, масло,—не желая брать за это платы.

Съ тѣхъ поръ оправдались самыя черныя предчувствія. Нѣмцы совершили, не считая малыхъ набѣговъ, три большихъ нашествія на Плоцкую губернію. Послѣднее отражено только на этихъ дняхъ. Край опустошенъ: города разрушены артиллерійскими боями и разгромлены; деревни частью сожжены, и въ нихъ взято все, что можно было взять; усадьбы также сожжены и разграблены; тысячи жителей бѣжали въ Варшаву, въ другіе польскіе города и въ «имперію». Уничтожены остатки старины, и ей уже не воскреснуть; когда страна вернется къ жизни, это будетъ новая промышленно-суетливая жизнь, которая сосредоточится вокругъ заводовъ и фабрикъ...

Валерій Брюсовъ.

Помощь безработнымъ Варшавы.

I.

По даннымъ центральнаго обывательскаго комитета, непріятельскія войска въ Польшѣ доходили до линіи, начинающейся въ Холмской губерніи, нѣсколько сѣвернѣе Грубешова, проходящей далѣе южнѣе Холма и Люблина и около Новой Александріи примыкающей къ Вислѣ; затѣмъ эта линія идетъ по Вислѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Варшавы сворачиваетъ влѣво и около Плова опять подходитъ къ Вислѣ; на высотѣ Бодзанова она подъ острымъ угломъ уклоняется на востокъ, проходя нѣсколько сѣвернѣе Макова, Ломжи и Гродна. Такимъ образомъ, непріятеля не видѣлъ лишь треугольникъ, основаніемъ котораго является линія Владиміръ-Волынскій—Гродно, а вершиной — берегъ Вислы нѣсколько восточнѣе Плоцка, т. е. 25—30% территоріи Царства Польскаго.

На территоріи, которая была занята непріятелемъ, особенно пострадали города и селенія въ мѣстахъ боя. Тамъ много разрушенныхъ артиллеріей и сожженныхъ домовъ. Поля во многихъ мѣстахъ перекопаны траншеями; повсюду вытоптаны посѣвы. За отсутствіемъ лѣса и дровъ, всѣ заборы и изгороди сожжены на кострахъ. Пострадали, конечно, и сельскохозяйственные инвентарь и продукты, подвергшіеся платной и безплатной реквизиціи. Мало осталось лошадей, коровъ, свиней, домашней птицы. Посѣвы хлѣбъ и картофель всѣ были затоптаны, поля—полузаброшенными. Населеніе ютится въ уцѣлѣвшихъ дворахъ, у родныхъ и знакомыхъ, передъ нашествіемъ непріятеля вывозившихъ картофель и хлѣбъ въ скрытые заранѣе въ глубокихъ земляныхъ ямахъ, которыя сохранили и болѣе или менѣе обеспечиваютъ населеніе отъ голода въ теченіе первой половины зимы. Рядомъ съ этими прямыми послѣдствіями войны населеніе сильно страдаетъ отъ ея косвенныхъ послѣдствій,—нарушенія правильнаго желѣзнодорожнаго сообщенія, прекращенія подвоза угля, сырья и продуктовъ первой необходимости, отсутствія сбыта и кредита. Вообще пріостановилась вся экономическая жизнь въ краѣ. Варшава не видѣла непріятеля, однако населеніе Варшавы почти такъ же сильно пострадало отъ войны, какъ и населеніе Лодзи. Безработица съ одной стороны, дороговизна продуктовъ питанія — съ другой довели массу городскаго пролетаріата до крайней степени нищеты. По свѣдѣніямъ старшаго фабричнаго инспектора Сѣтницкаго, положеніе фабричной промышленности въ Варшавѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ на 20-е сентября характеризовалось слѣдующими данными:

	Число фабрикъ.	Въ нихъ рабоч.	Безработ.
Прекратило работ.	79	11.232	11.252
Работаетъ сокращ. комплектомъ. . .	51	12.916	7.486
Раб. сок. время .	35	5.353	—
Сокр. компл. и вр.	58	10.572	4.507
Всего	223	40.073	23.315

Такимъ образомъ, шесть дней въ недѣлю работаетъ только 5,440 человѣкъ: два—три дня въ недѣлю, иногда одинъ день и полдня работаетъ 11,658 чел.; совершенно лишены работы 23,315 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, по словамъ г. Сѣтницкаго, положеніе фабричной промышленности еще ухудшилось; на 1-е ноября данныя касаются уже 64,785 человѣкъ и охватываютъ не только г. Варшаву съ окрестностями, но и всю восточную половину Варшавской губерніи. По этимъ даннымъ, число безработныхъ достигаетъ 40,870; имѣющихъ работу — 23,915; шесть дней въ недѣлю работаютъ только заводы, имѣющіе заказы военнаго вѣдомства. Рабочіе, имѣющіе въ недѣлю два дня работы и менѣе, очевидно, не зарабатываютъ и на пропитаніе, такъ какъ на пищу рабочіе расходуютъ обыкновенно около 50% своего бюджета. Кромѣ фабричныхъ рабочихъ въ Варшавѣ имѣется много капиталистическихъ предпріятій нефабричнаго типа, такъ-называемыхъ, ремесленныхъ мастерскихъ, часто съ 50—100 рабочими, а также нѣкоторое количество раздаточныхъ конторъ и магазиновъ, раздающихъ работу на домъ; по предположенію того же г. Сѣтницкаго, число рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ достигаетъ 25.000, и тутъ безработица абсолютная, за исключеніемъ, быть-можетъ, небольшой части портныхъ, работающихъ на пробѣжающихъ на передовыя позиціи офицеровъ. Такимъ образомъ, число безработныхъ въ городѣ достигаетъ 50,000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ семьями—до 150,000 человѣкъ. Часть безработныхъ фабричныхъ, около 10%, получаетъ пособія отъ фабрикантовъ въ размѣрѣ приблизительно 2-хъ руб. семейнымъ рабочимъ въ недѣлю и 1 руб.—одиночнымъ.

Дороговизна тяжело ударила и поль-